

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

.....

Ключевые слова: субъектно-бытийный подход, безопасность, терроризм, агрессия.
Keywords: subjective-existential approach, security, terrorism, aggression.

6 февраля 2009 г. в Кубанском государственном университете на факультете управления и психологии состоялся круглый стол, посвященный актуальным проблемам психологии безопасности личности и общества. Мероприятие было организовано заведующей кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета З.И. Рябикиной, деканом факультета психологии МГУ Ю.П. Зинченко, профессором кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета Г.Ю. Фоменко. Публикуем материалы обсуждения.

Участники обсуждения:

Рябикина Зинаида Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета;

Зинченко Юрий Петрович – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова;

Бедерханова Вера Петровна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, педагогики и психологии высшей школы Кубанского государственного университета;

Ясько Бэла Аслановна – доктор психологических наук, профессор кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета;

Фоменко Галина Юрьевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета;

Тесля Светлана Николаевна – доктор философских наук, профессор Сочинского государственного университета туризма и курортологии;

Шуванов Игорь Борисович – кандидат психологических наук, доцент, первый проректор Сочинского государственного университета туризма и курортологии;

Тиводар Антонина Романовна – кандидат психологических наук, преподаватель Черноморской гуманитарной академии, г. Адлер;

Ковалёва Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии Адыгейского государственного университета;

Гусейнов Александр Шамильевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма;

Кимберг Александр Николаевич – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета;

Дёмин Андрей Николаевич – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета;

Лузаков Андрей Анатольевич – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета;

Улько Елена Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета;

Некрасов Сергей Дмитриевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета;

Ожигова Людмила Николаевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета;

Флоровский Сергей Юрьевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета.

З.И. Рябикина: Мы знаем, что психологи, работающие в нашем университете, в значительной мере ориентированы на то, что мы называем субъектно-бытийным подходом, и в самых разнообразных аспектах его реализуют. Перечислять все имена и направления в данном случае не будем. Конечно, необходима была некая внутренняя работа, чтобы прийти к заключению, что субъектно-бытийный подход может быть реализован в поле проблематики, связанной с безопасностью личности и общества. В результате этой непростой внутренней интеллектуальной работы мы пришли к решению о целесообразности создания лаборатории в нашем НИИ социально-гуманитарных проблем КубГУ, которая будет в этом направлении осуществлять творческие исследовательские проекты. Эту лабораторию возглавит Галина Юрьевна Фоменко, доктор психо-

логических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии, которая занимается близкими проблемами. Зачин и интеллектуальный посыл связаны с деятельностью Юрия Петровича Зинченко.

Наша с вами совместная работа будет проходить в режиме круглого стола для представления спектра реально существующих исследований и дальнейшего обсуждения заданной проблематики.

Ю.П. Зинченко: Проблема терроризма находится в числе первостепенных задач государства. Террор стал частью нашей жизни, проблемами терроризма сегодня обеспокоено всё мировое сообщество, хотя, по официальным данным национального антитеррористического комитета, в период с 2005 по 2007 г. количество террористических актов на территории РФ заметно снизилось. Это свидетельствует об эффективности выполнения спецслужбами своих функций. Но тем не менее нам необходимо многому ещё научиться в области противодействия терроризму. В связи с этим рождается запрос к психологическому научному сообществу на предмет содержательной стороны работы.

В последние годы проблема терроризма привлекает всё большее внимание исследователей и приобретает междисциплинарный характер. Осмысление и углубление данной темы логически выводит на проблему безопасности в широком смысле и психологической безопасности как системообразующей для других видов безопасности, так как угроза и защита исходят от субъекта, человека.

На первый взгляд проблема безопасности для психологии является по большей части внешней, поскольку в нашей науке она не имеет своей систематизированной теоретической истории. Так, у А. Маслоу упоминается потребность в безопасности в рамках его концепции об иерархии потребностей, но не конкретизируется. Тем не менее содержательный анализ всего спектра вопросов в психологических концепциях, относящихся к проблеме безопасности, безусловно, предоставит богатый и эвристически значимый материал в качестве отправной точки для дальнейших исследований.

Помимо когнитивной составляющей существует очень важный социальный ракурс проблемы становления и оформления нового научного направления – психологии безопасности. Эффективность наших научных изысканий и их практическая польза в аспекте борьбы с терроризмом в значительной степени будут зависеть от того, насколько успешно мы «впишемся» организационно в существующую административно-структурную работающую систему противодействия этому явлению. Причём, как будет видно из дальнейшего изложения, эти два аспекта (когнитивный и социальный) тесно взаимосвязаны.

На сегодняшний день проблема безопасности разработана в рамках нормативных определений этого понятия в Концепции национальной безопасности и внутри законов о безопасности и борьбе с терроризмом. Проблема заключается в том, что категориальный аппарат очерчен в основном рамками правовых

субъектов деятельности. Осознание системной природы феномена безопасности требует системного подхода к его изучению. При таком подходе выявляется, что содержание и степень безопасности государства и человека находятся в прямой зависимости от функционирования всех структур общества – экономической, политической, социальной, правовой. Система самой безопасности приобретает сложную структуру, в которой можно выделить соответствующие составляющие компоненты или подсистемы. В Концепции национальной безопасности выделены три её уровня: безопасность личности, общества и государства. Понятно, что центральным компонентом здесь является личность как субъект жизнедеятельности.

Обратимся к существующей реальности, в которой пребывает проблема безопасности. Существуют межведомственные комиссии Совета Безопасности РФ, которые призваны отвечать за безопасность в нашей стране, их достаточно много. Интерес представляет комиссия по информационной безопасности, которую возглавляет В.П. Шерстюк, помощник секретаря Совбеза, директор Института информационной безопасности, созданного в 2003 г. на базе МГУ. Существует достаточно развитая нормативно-правовая база, создание которой активизировалось после трагических событий 11 сентября в США.

Действует определенная схема координации антитеррористических действий. Во главе – Президент РФ, далее Национальный антитеррористический комитет, антитеррористические комиссии в субъектах Федерации и их аппараты, которые формируются высшими должностными лицами субъектов РФ. Чиновнический аппарат достаточно мощный, но существуют потребности, которые эти структуры не могут удовлетворить своими силами. Это потребность в осмыслении собственно феномена «терроризм». И здесь возникает поле для взаимодействия, которое нам необходимо занять, так как наши коллеги – социологи, философы и политологи уже действуют в нем довольно активно.

Существует потребность в конкретных практических рекомендациях психологов не только в центре, в Москве, но и непосредственно в регионах. Практические рекомендации на территории последних должны исходить из специфики местных условий и быть представленными и реализованными в сроки, определяемые потребностями заказчика. Таким образом, можно будет учитывать особенности конкретных субъектов Федерации и своевременно реагировать на возникающие там проблемы, вырабатывая и предоставляя конкретные рекомендации, адекватные данному уровню управления.

Исходя из поступившего заказа, МГУ уже в течение трех лет является головной организацией по социально-психологическому сопровождению научно-исследовательской работы для Национального антитеррористического комитета. Данная работа поддерживается грантовой активностью со стороны спецструктур. В 2008 г. нам удалось приблизить их внимание к регионам, и благодаря З.И. Рябикиной часть исследований была проведена в Южном федеральном

округе. Эта работа была активно воспринята заказчиком, хотя изначально предполагалось, что ее должны выполнять социологи. Но нами было заявлено о целесообразности работы в рамках субъектно ориентированного подхода, который позволит выявить в процессе мониторинга ключевые индикаторы для разработки практических рекомендаций для органов, осуществляющих работу на местах. Полученные результаты регулярно освещаются в печати и представляются на научно-практических конференциях. Наши специалисты принимали участие и в **IV Международной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму**. Она проходила на базе МГУ. Присутствовали практически все мировые специалисты, которые занимаются данной проблемой.

Так как сама научная программа, которая сопровождает деятельность Национального антитеррористического комитета, рассчитана до 2012 г., в рамках ее интересов множество тем для психологов. Поэтому хотелось бы остановиться не на том, что уже достигнуто, а на освещении проблемного поля. И если будет интерес, то возможно подключение к каким-то сюжетам, из которых могли бы прорасти исследования, которые нашли бы свое отражение в публикациях, диссертациях и т.д. Данная тематика сейчас является одной из приоритетных тем в национальной политике государства и поддерживается такими известными фондами, как РФФИ, РГНФ, а также гражданскими институтами нашего общества.

При разработке данной проблематики существуют определённые трудности как социального, так и когнитивного плана. Нас всегда останавливала некая специфика работы со спецслужбами, так как у них есть свой язык, свои задачи, своя логика и часто даже своя психология. Поэтому первые год-полтора мы потратили на создание общей категориальной базы, чтобы понимать потребности заказчика и собственные возможности их удовлетворения. Во многом благодаря Институту проблем информационной безопасности, который возглавляет В.П. Шерстюк, большая часть проблематики информационной безопасности «осела» в стенах МГУ.

Останавливали также разговоры о закрытом характере исследований. Но и данную сложность удалось разрешить, так как мы нашли возможность, чтобы отдельные части исследований носили абсолютно открытый характер и любой исследователь в России мог к ним присоединиться. Это было одним из условий с нашей стороны, и соответствующие структуры его выполнили, поэтому ограничений для научного творчества нет, они существуют лишь на уровне руководителей проекта, у которых есть обязательства перед государством в плане сохранения информации в том объеме, в котором она у них присутствует.

Что касается самой проблематики. Заказчиков несколько – это ФСБ РФ, которая отвечает за всю антитеррористическую активность, МЧС РФ, в рамках которого существует специальная служба экстренной психологической помощи, которую возглавляет Ю.С. Шойгу. Сотрудники этого центра – психологи, ко-

торые минимизируют последствия катастроф. Их задачами является: оказание помощи при проведении переговорного процесса с террористами, оказание помощи родственникам пострадавших и собственно оказание массовой психологической помощи пострадавшим в теракте. Эта работа носит хотя и ситуативный, экстренный характер, но в то же время принимаются во внимание и отдаленные последствия психологической травмы. Данная задача переходит в ведомство местных психологических служб. Представительства Федеральной службы экстренной психологической помощи существуют во всех федеральных округах, а в дальнейшем планируется открытие психологических центров МЧС в каждом субъекте Федерации, что является нашей зоной ближайшего развития. Замечу, что в Москве существует Московская служба психологической помощи – это городская структура, которая продолжает деятельность психологической службы МЧС РФ.

Возвращаясь к психологическим проблемам, обратим внимание на безопасность как на предмет и проблему практической деятельности. То есть, с одной стороны, мы обозначаем безопасность как предмет научного исследования, с другой – как проблему практической деятельности, мы её в общих чертах обрисовали, но существующие схемы требуют усовершенствования.

Рассматривая безопасность как междисциплинарную научно-практическую проблему, на сегодняшнем круглом столе мы попытаемся обозначить различные стороны и грани данного вопроса, остановимся на классификации видов и аспектов безопасности и нормативно-правовом регулировании деятельности в области безопасности, которая задает направления практической деятельности. Основные нормативные понятия в области терроризма в России на настоящий момент определяются Федеральным законом Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Какого рода здесь возникают сложности и проблемы? К базовым методологическим проблемам психологического изучения терроризма можно отнести следующие проблемы.

Внешний запрос к психологии, который не всегда соответствует внутренней логике развития психологического знания, так как заказчики – это профессионалы другого рода. Далее возникает реальность категориальной неопределенности, которая диктует проблему разработки единого тезауруса, который был бы понятен специалистам разного профиля и не зависел от профессиональной принадлежности или авторских амбиций. Далее, проблема определения понятий «террор», «терроризм», «террорист» и их соотношение с понятиями «экстремизм», «фундаментализм». Необходимо отметить, что до сих пор не подписана основополагающая конвенция по борьбе с терроризмом на уровне ООН только лишь по причине того, что все стороны не могут договориться об определении понятия.

Психологи в рамках своих интересов формулируют собственные определения терроризма. Существует более 200 определений, которые тем не менее не-

сводимы к некоему общему полю. И эта категориальная разобщенность ведет к невозможности выработки общей методологии. Здесь встает проблема взаимоотношения понятий «субъект» и «терроризм». Мы не можем дать четкого определения, что такое терроризм вообще и терроризм для субъекта в частности.

Если следовать историческому развитию, то можно заметить различную феноменологию терроризма как исторического явления. Сам феномен очень разнороден, поэтому трудно дать четкое определение, однако это становится актуальной задачей.

Также нет единого мнения и в концептуальных подходах. Здесь и бихевиоризм (поведение террористов, определяемое внешними факторами), и психоанализ (глубинная мотивация террористов), и когнитивный подход (представления террористов и общества о терроризме). Поэтому существующие на сегодняшний день исследования осуществляются в рамках одного из трех или некоего синтетического варианта. За рубежом актуальным становится культурно-исторический подход. Идеи Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева продолжают Коул и Вёрч в США.

Таким образом, нам необходимо выработать некую систему координат, в рамках которой можно подойти к данному феномену. Мы полагаем, что в качестве интеграционной концептуальной основы психологического изучения терроризма могут быть предложены культурно-исторический подход (Л.С. Выготский) и психологическая теория деятельности (А.Н. Леонтьев), в соответствии с которыми терроризм может быть рассмотрен и как феномен, социально обусловленный, имеющий исторические предпосылки и риски культурных последствий, как форма индивидуальной и коллективной деятельности, побуждаемая мотивами, направленная на достижение целей, использующая определённые средства для решения своих задач.

Культурно-исторический подход в методологическом плане оказался приемлемым и для наших западных соседей. В этом смысле деятельностный подход А.Н. Леонтьева и культурно-исторический подход Л.С. Выготского позволяют подойти к исследованию вопросов и задач, которые ставят заказчики. В первую очередь это исследование причинно-следственных отношений вовлечения в террористическую активность российских граждан. Эти вопросы достаточно хорошо вписываются в культурно-исторический контекст, в идею целеполагания, в идею о разных уровнях деятельности и т.д., так как сам терроризм – многослойный и многоуровневый феномен.

На первый план выходит прагматическая сторона вопроса. Основная работа с регионами будет заключаться в анализе результатов исследований и получении обратной связи. Предполагается также разработка системы распределения полномочий и ответственности, которая существует внутри силовых структур, именно с позиций психологического моделирования. Создавая модель работы аппарата Национального антитеррористического комитета от федераль-

ного уровня до уровня конкретного субъекта Федерации, мы ориентировались на то, каким образом выстроить наиболее эффективное взаимодействие с точки зрения психологической модели.

Если говорить о направлениях работы специальных психологических служб, то это, прежде всего, *ликвидация последствий террористических актов*, причем данная работа предполагает два направления: работа с пострадавшими и работа с личным составом; *предупреждение вовлечения в террористическую деятельность*; *профилактика распространения террористической идеологии*; *психологическая подготовка специалистов по противодействию терроризму*.

Исследования вовлечения в террористическую деятельность включают разработку категориальной базы, соотнесение и координирование различных подходов, создание адекватной психологической модели терроризма, которая, мы надеемся, в процессе совместной деятельности будет создана.

В практическом плане ожидается предложить научно-обоснованные способы идентификации значимых моментов феномена терроризма, повышение эффективности всех контртеррористических и антитеррористических мероприятий.

В статистических данных наблюдается снижение террористической активности на территории РФ, мы также прилагали к этому усилия и считаем, что это в некоторой степени и наши достижения. Но самое большое достижение – это определение вопроса распределения ответственности. Часто возникали ситуации, когда есть полномочия, но решения не принимаются и, наоборот, когда нет полномочий, а решение принимается и т.д. Анализ таких ситуаций способствовал построению структуры всей антитеррористической деятельности на территории РФ.

В настоящее время выделяются следующие корневые причины терроризма: недостаток демократии, гражданских свобод и власти закона; находящееся в упадке или слабое государство; стремительная модернизация; экстремистская идеология светской или религиозной природы; исторический опыт политической жестокости, гражданских войн, революций, диктатуры или оккупации и социальной несправедливости и т.п. Это некий набор, который указывается в современных исследованиях. Проблема заключается в том, что единой иерархической структуры и функциональной схемы нет, и возможно это происходит в виду отсутствия единой методологии.

Важной проблемой, помимо зависимости террористической активности от уровня экономического благополучия, является вовлечение молодежи в террористическую деятельность. Эта проблема беспокоит все уровни власти. Различные формы социализации – это те психологические «ручейки», посредством которых пополняются ряды террористической организации. То есть мо-

лодежная среда – самая проблемная в рамках данной тематики, и этот факт также является для нас отдельной задачей.

К важным вопросам относится и разработка индикаторов причин и условий, способствующих вовлечению российских граждан в террористическую деятельность. Одно из предложений заказчика состояло именно в создании психологических или социально-психологических индикаторов, которые позволяли бы определить степень риска террористической угрозы. В США разработана шкала в цветовом варианте, но для российской действительности данные индикаторы нерелевантны. Таким образом наша задача – обосновать и обеспечить мониторинг, который мог бы проходить в Южном федеральном округе. Поэтому мы заинтересованы в сотрудничестве, в совместных проектах научных исследований. Например, психологический мониторинг распространенности идеологии терроризма и экстремистских представлений – вот та тема, которую можно было бы обозначить как предмет теоретического и практического исследования. Другая тема – психологические проблемы профилактики вовлечения в террористическую деятельность.

Как сопутствующий вопрос возникает проблема подготовки грамотных специалистов. Нами разработан курс «Психология безопасности» как инновационная образовательная программа. В рамках соответствующей специализации возможны: психологическая подготовка специалистов по ведению переговоров в области обеспечения безопасности; психологическая профилактика экстремизма; психологические аспекты преодоления конфликтов и снижения напряженности; оказание экстренной помощи; дистанционные методы психологического консультирования. Квалификационные работы в рамках данной тематики гарантированно получают различного рода поддержку.

Также возникает потребность в психолингвистических методах анализа информационных ресурсов на предмет соответствия идеологии терроризма. Это связано с тем, что Интернет – основная среда, где происходит большая часть общения и приобщения к той или иной идеологии. Актуальна проблема новых методов и инновационных технологий оказания экстренной психологической помощи, так как имеющиеся техники и технологии оказываются не всегда эффективными.

В.П. Бедерханова: Интересно сопряжение проблематики агрессивности и терроризма. Мне бы хотелось узнать, существуют ли границы агрессивного поведения? Вопрос связан с недавними событиями в Бельгии, казалось бы, такой благополучной в социально-экономическом плане стране.

Ю.П. Зинченко: Коллеги, которые имели возможность проводить исследования на база закрытых исправительных учреждений, пришли к выводу, что в преступные группы вовлекают субъектов, изначально имеющих определенный набор типологических характерологических характеристик. Таким образом, вовлекали контингент, уже обладающий определенными свойствами, которые ба-

зируются на психофизиологических особенностях. И тогда можно предполагать, что природа агрессивности и террористической деятельности одинакова, вопрос только в том, в какую среду попадет субъект, имеющий такой набор психофизиологических характеристик, и каким образом он туда попадет: либо случайно, либо целенаправленно.

В.П. Бедерханова: На нашей кафедре существует специальность «социальная работа в чрезвычайных ситуациях». Как данная специализация согласуется с существующими в МГУ специализациями?

Ю.П. Зинченко: Основная база специализации по психологии безопасности связана с особенностями деятельности в чрезвычайных ситуациях. Так что вполне согласуется. Но лучше на этот вопрос могла бы ответить Ю.С. Шойгу – руководитель соответствующей специализации у нас на факультете.

Б.А. Ясько: В порядке обсуждения проблемы замечу, что о террористической угрозе мы говорим в течение уже более десятка лет, но только сегодня идёт разговор о создании центра экстренной психологической помощи в г. Краснодаре. Мы знаем примеры катастроф на территории края. Для оказания помощи в этих ситуациях выезжали психиатры, а не психологи. В тот момент мною было направлено письмо ректору Кубанской медицинской академии с предложением организовать специальную подготовку психологов для работы с посттравматическими стрессовыми расстройствами. Письмо, к сожалению, осталось без ответа. Поэтому мне кажется, что сегодня мы на правильном пути – готовить специалистов данного профиля очень важно для нашего региона. Краснодарский край давно нуждается в высококвалифицированных специалистах, которые целенаправленно вели бы работу и по профилактике, и по превентивным мерам, и по работе с людьми, которые пережили экстренные ситуации.

Далее отмечу, что мои аспиранты проводят два очень интересных исследования. В одном из них промышленный альпинизм рассматривается в качестве фактора канализации агрессии. Второе исследование посвящено проблеме психологии жестокости, в ходе которого выяснилось, что люди, совершившие преступления с особой жестокостью, имеют не только склонность к аффективности, что давно известно, но и высокий болевой порог чувствительности, т. е. совершенно спокойно принимают боль. То есть поле для исследования носит общепсихологический характер.

И последнее. Недавно пришлось рецензировать статью по докторской диссертации, где терроризм фактически приравнивался к межнациональной напряженности. То есть даже в нашем профессиональном сознании не разводятся эти понятия и феномены, что опять-таки подчеркивает актуальность нашего сегодняшнего круглого стола.

З.И. Рябикина: В рамках существующих методологий мы хотим найти свою нишу в рассматриваемом предметном поле, так как своя методология всегда за-

дает и свой взгляд на феноменологию, и свое видение закономерностей, которые могут быть подвергнуты анализу.

Сегодня не просто «мир стал другим», о чём говорится всё чаще, мир стал *психологически* другим, ментальная конструкция отдельного человека потенциально более субъектна, нежели это было вчера. Отдельный человек стал потенциально более активным агентом воздействия на структурирование событий и среды. Сейчас это обретает особые акценты. Иногда трагические.

Нарастающий глобализм террористических «мероприятий» в этих рассуждениях может служить очень ярким примером. Реализация в этом случае ментального продукта ограниченной группы людей, оказывается по своим последствиям все более глобальной: а) по количеству конкретных вовлеченных в ситуацию жертв; б) по вовлеченности все большего количества людей, находящихся за рамками непосредственной ситуации, но благодаря СМИ чувствующих себя непосредственными участниками; в) по обращенности террористического акта ко всё более полномочным властным структурам с требованиями изменений в каких-то социальных процессах, способных оказать влияние на глобальные составляющие жизни мирового сообщества. Таким образом, мир по психологическим причинам стал более опасным.

Мы говорим о возрастании интереса к субъективному и субъектному как о признаке гуманизации современного общества. Но именно возрастание субъективного и субъектного несет в себе одновременно и опасность. Напрашивается аналогия с ядерной физикой, которая когда-то из фундаментального научного знания преобразовалась в источник самого страшного орудия.

Все больше тех, кто профессионально занят овеществленной в знаках субъективной реальностью (компьютерная реальность; образ мира, создаваемый СМИ; фильмы, отражающие мир, все более далекий от реальных возможностей человека, и пр.). Яркий пример – разворачивавшиеся события информационной войны во время конфликтов. Вымысел, реализуемый каждой из сторон в информационных сводках, становится реальностью, в которую помещаются слушатели, в которой создаются их настроение, отношение к каждой из сторон-участниц, возникают побуждения к действиям определенной направленности.

Еще один аспект: возрастает интерес обывателя к психологическим знаниям, к возможности их использования с манипулятивистскими намерениями. Значимость проблемы обусловлена *возрастающей распространенностью упрощенных, нередко излишне абсолютизируемых, лишенных контекста и поэтому искаженных психологических знаний*. Из-за акцентированного внимания к психологическим феноменам, объяснительным конструктам, тиражируемым в СМИ, нарастает рефлексивность и в связи с этим все более увеличивается влияние этих переменных на состояние и поведение современного человека. «Описания и объяснения мира сами конституируют формы социального действия», – пишет лидер социального конструкционизма К. Джерден. При

продолжающем возрастать запросе на получение все более дифференцированной информации о составляющих познания субъектом собственной психической реальности и психической реальности, носителем которой является другой человек, можно с уверенностью говорить о том, что *корректная/некорректная рефлексия обывателем психической реальности – важная составляющая социального действия и выстраиваемого бытия.*

В самой психологической науке все более очевидной становится опасность слишком абстрактного, вырванного из жизненного контекста рассмотрения отдельных феноменов. Очевидна необходимость *дихотомичного* рассмотрения актуальных психологических явлений, характеризующих позицию личности по отношению к бытию (толерантность, адаптация, самоактуализация, свобода личности и пр.), или более точного очерчивания *области применимости* исследуемого и интерпретируемого психологического феномена. В исследованиях феномена внимание должно уделяться *уравновешивающим оппозитивным процессам*. Научная абстракция, трактуемая как таковая братьями по научному цеху, может вызывать раздражение. Но та же научная абстракция, тиражируемая СМИ и овладевшая сознанием масс, может стать разрушительным фактором для конкретного человека и неосторожно оперирующего с ней сообщества.

Гуманистическая психология с её особенностями не была обозначена в докладе Юрия Петровича в числе ведущих исследовательских парадигм при изучении вопросов безопасности. Да и звучит несколько странно «гуманистическая психология и проблемы терроризма». В реальности этот подход вместе с субъектным подходом ориентирует нас на определенные принципы рассмотрения личности как возможного объекта и субъекта террористической активности. Так что у нас есть основания для ожидания перспектив конкретизации методологии субъектно-бытийного подхода применительно к проблемам психологии безопасности. Галина Юрьевна Фоменко, заведующая лабораторией психологии безопасности личности НИИ социогуманитарных проблем КубГУ, об этом скажет более конкретно.

Г.Ю. Фоменко: Моё выступление посвящено открытию творческой исследовательской лаборатории «Психология безопасности личности» в структуре НИИ социогуманитарных проблем КубГУ. В своём сообщении мне хотелось бы обосновать название нашей лаборатории, озвучить и пояснить основные заявленные направления её работы, коротко остановиться на теоретико-методологических основаниях предполагаемой исследовательской деятельности.

В отношении оформления нового направления психологии создаётся впечатление, что мы имеем дело со встречным процессом. С одной стороны, потребность в психологии безопасности вызревает непосредственно в недрах нашей науки, о чём свидетельствует и сегодняшний круглый стол. Очень органично и

легко каждый из участников согласился вычленить аспект из собственной исследовательской проблематики, относящийся к этому направлению.

С другой стороны, это потребности практики, социальный заказ – проблема безопасности в настоящее время является общегосударственной. И её успешное решение может определяться в том числе и результативностью так называемой большой науки – взаимодействия государственных структур и учёных.

Оформляющееся новое направление «психология безопасности» пока ещё не определилась со своей предметной областью и не размежевалась с такими отраслями, как экстремальная психология и психология безопасности жизнедеятельности.

Можно предположить, в несколько шутливой форме, что вычленение психологии безопасности в отдельное направление основано на том, что жизнь вообще небезопасна для человека. И это не только войны, стихийные бедствия, техногенные катастрофы, профессиональная деятельность в ситуациях повышенного риска и высокой ответственности человека. А более серьёзно (о чём говорили ещё в 1996 г. А.В. Брушлинский и В.Е. Лепский), процесс переоценки ценностей в нашем обществе породил и новое понимание проблем безопасности. Главным в нём стало осознание системной природы этого явления и, следовательно, необходимости системного подхода.

В результате система самой безопасности приобретает сложное строение, в котором можно выделить соответствующие компоненты или подсистемы. Это очень наглядно продемонстрировал в своём докладе уважаемый Юрий Петрович.

Второй важный момент – пересмотр приоритетов и акцентов в интерпретации проблемы безопасности и перенос их с интересов государства, которые воспринимались в отрыве от нужд и потребностей человека, на интересы самого человека. Это поставило науку и практику перед необходимостью разработки совершенно нового аспекта этой проблемы – безопасности психологической. Как отмечает И.А. Баева, обосновывая необходимость выделения психологии безопасности как самостоятельного направления, «сегодня есть все основания придать психологической безопасности самостоятельный статус и рассматривать её как системообразующую для других видов безопасности, так как угроза и защита исходят от субъекта, человека».

В соответствии с системным рассмотрением феномена безопасности выделяют, прежде всего, национальную безопасность и три её уровня: безопасность личности, общества и государства. Заявленное направление «психология безопасности личности» не сужает проблему, как может показаться на первый взгляд, поскольку разработка этой темы в контексте субъектно–бытийного подхода, согласно которому личность как субъект является главной конституирующей частью человеческого мира, позволяет избежать изоляционизма личности

и её противопоставления социуму. Мы изучаем то, как отражает субъект объективные обстоятельства своей жизни: экономической, политической, культурной и др. и как в ситуации такой обусловленности субъективными представлениями он будет готов действовать в качестве субъекта социально-экономических, политических и прочих преобразований. Это позволяет проанализировать условия и выявить причины, по которым неоптимальное функционирование личности, направленность и содержание её активности могут представлять *угрозу* безопасности общества и государства.

Целесообразность указанного подхода к проблематике психологии безопасности выявляется и на уровне анализа *причин и факторов*, выводящих проблему безопасности в число приоритетных как для общества, так и для психологической науки и практики, и на уровне вытекающих из них *задач*, требующих своего разрешения.

Прежде всего, это специфика актуального исторического периода, квалифицируемого различными исследователями как эпоха глубоких цивилизационных преобразований, как глобальный системный кризис современного общества, что делает личность в таких условиях особенно незащищённой и уязвимой. Но одновременно мы живём в эпоху стремления к раскрытию индивидуальности, поэтому существует потребность в безопасности и защищённости не просто на физическом уровне. Не только экономическое выживание, но и безопасность современного человека связана с представлениями о поддержании и сохранении если не высокого, то достойного качества жизни. С другой стороны, психологи, сталкивающиеся с последствиями ЧС, в частности, с последствиями террористических актов, подчёркивают специфику психологической помощи в этих условиях, когда психолог должен помнить, что перед ним человек, переживший личностное потрясение, а не просто повседневный стресс, а значит, столкнувшийся с проблемой бытия, а не просто бытовой проблемой. Это, безусловно, выводит проблему психологии безопасности в предметное поле «личность и её бытие» с необходимостью субъектно-бытийного подхода к её рассмотрению.

Социальный прессинг, которому подвергается человек и который *возрастает* по мере «прогрессивного» развития общества, заставляет человека искать новые пути самозащиты. Соответственно, психология безопасности должна заниматься выявлением этих способов, их анализом и оценкой, селекцией наиболее продуктивных способов, а также помощью в их конструировании, формированием не просто навыков безопасного поведения (как психология безопасности жизнедеятельности), а задавать ориентиры для аутентичного бытия личности в этих условиях, казалось бы субъективно совершенно неприемлемых для человека, но которые тем не менее нужно, а главное, можно трансформировать в возможности для саморазвития.

Более того, возникла очередная бифуркация исторического процесса, когда фундаментальную роль начали играть *случайности*, ведущей становится категория *неопределённости*.

Новое направление психологии с позиций субъектно-бытийного подхода должно заниматься изучением рисков и опасностей, исходящих из такого актуального расклада нашей действительности, выяснением вопроса, к каким именно влияниям в плане утраты безопасности наиболее восприимчивы различные страты населения. В связи с этим необходимым становится изучение особенностей самоопределения и позиционирования личности в таких условиях.

В качестве актуальных оснований для разработки психологии безопасности выделяется *противоречие* между повышением роли субъектных характеристик человека при одновременном резком ограничении степени его автономности и возрастанием сложности социальной организации жизни, а также противоречие, заключающееся в том, что процесс становления в качестве субъекта происходит в условиях отчуждения и бессубъектности – в формулировке К.А. Абульхановой-Славской, которая считает это не эмпирической, а сущностной характеристикой современного российского общества. Субъектно-бытийный подход позволяет изучать феномен безопасности в этой сложной системе координат и одновременно учитывать противоречия, присущие человеческой природе: человек нуждается в причастности к группам и организациям, которые помогут ему обрести смысл жизни; вместе с тем он старается прослыть независимым и ему нужно ощущать себя хозяином своей судьбы; наряду с рационалистическими соображениями человеком движут сильные внутренние импульсы и т.п.

С учётом выделенных позиций становится понятно, что безопасность как самого субъекта, так и безопасность общества и государства зависят от того, какой именно способ экспликации этих противоречий в виде проблем, жизненных задач будет выбран субъектом и к какому *способу их решения* он прибегнет. В связи с этим очень важно выявить *критерии*, когда самостоятельные способы решения этих проблем человеком оказываются не просто вне правового поля, а переходят в категорию угроз национальной безопасности.

В качестве одного из возможных направлений прикладных исследований мы выделяем проблемы безопасности в период подготовки к зимним Олимпийским играм 2014 г. Это направление деятельности, безусловно, требует существенных интеллектуальных вложений со стороны психологов. Для жителей региона конфигурация обстоятельств, предшествующих Олимпиаде, может быть рассмотрена как ситуация *социально-культурного шока*. В этих обстоятельствах, с одной стороны, повышается вероятность степени задействованности каждого местного жителя в той или иной форме в этот процесс. С другой стороны, в силу различного рода стратегических и локальных экономических проектов каждый из жителей может оказаться объектом неблагоприят-

ных, с точки зрения личности, социальных воздействий (ущемления прав; отчуждения недвижимости в виде насильственного выкупа и т.п.). Это может провоцировать различные формы протестного поведения, что делает необходимым постановку вопроса о проведении социально-психологических экспертиз принимаемых правовых решений, причём осуществляемых в виде мониторинга на всех этапах подготовки к Олимпиаде.

Снижают чувство безопасности личности и активные изменения в предметно-пространственной среде, а также выраженная асинхронизация процессов в самых различных пространствах бытия человека. Имеют место темпоральное давление, нарушающее намеченный распорядок жизни, и рассогласование динамики изменений во внешнем мире с возможностями организма и сложившимися моделями поведения. В связи с этим целесообразно по аналогии с объектами высокого риска ввести понятие *территория (пространство) высокого риска*, провести исследовательскую ревизию всего комплекса проблем и предложить возможные пути их преодоления.

С.Н. Тесля: В своём выступлении я изложу позицию, которую мы разрабатываем совместно с Игорем Борисовичем Шувановым. Сегодня проблемное поле психологии безопасности, его границы и содержание еще настолько далеки от полной кодификации, что даже нет четкого различения понятий «психология безопасности» и «психологическая безопасность». *Категориальная неопределенность* в теории при возрастающей вариативности интерпретаций эмпирического базиса, предоставляющего информацию о различного рода опасностях, терроризме, срывах и конфликтах, угрозах и катастрофах задает проблему создания необходимого и достаточного тезауруса психологии безопасности, обладающего такой семантической ясностью и концептуальной последовательностью, чтобы можно было, например:

- определить предметную область психологии безопасности в структуре современного социально-психологического корпуса наук (и вузовских дисциплин), целенаправленно формировать корпус специалистов по психологии безопасности;
- осуществить корректный анализ этиологии и причин возникновения опасных ситуаций и «полей опасности» в зонах и регионах социальной, этнической, политической нестабильности в стране;
- прогнозировать вероятность террористических выпадов и шантажа, усиление протестных форм поведения социального субъекта в конкретных регионах страны;
- разрабатывать методический инструментарий диагностики перекосов социально-психологического климата того или иного проблемного региона, а также психологических установок субъектов риска;

– формировать пакеты компетентных рекомендаций по осуществлению паттерн-анализа в потенциально небезопасных регионах страны.

В этом контексте, как первый шаг к выведению предмета психологии безопасности, ставим вопрос о гносеологических и онтологических границах концепта «безопасность» – вопрос о сущности и природе безопасности как феномена человеческого бытия. Нами рассматриваются два подхода к выведению содержания концепта «безопасность».

1) Субъектно-ностный подход, в контексте которого вводится категория «идентичность». «Идентичность» принимается как системообразующий критерий модели «Безопасность-1» (Б-1).

2) Субъектный подход, в контексте которого вводится категория «идентификация». «Идентификация» является базовым критерием модели «Безопасность-2» (Б-2). Принципиальная важность разведения «идентичности» и «идентификации» состоит в том, что именно в модели Б-1, на наш взгляд, складывается специфика психологии безопасности в нашей стране, а значит, и понимание того, как оптимальнее ее изучать и ею управлять, в то время как западная психология безопасности вращается в рамках модели Б-2, методы понимания и управления которой не всегда работают в России или работают «по-русски».

А.Р. Тиводар: Я остановлюсь на психологических аспектах безопасности личности в межэтническом браке. Межнациональные семьи являются площадкой неоднозначного формирования этнической идентичности у детей. В связи с этим дети из таких семей часто становятся этническими аутсайдерами ввиду «спутанной» идентичности. В результате колебаний между двумя культурами они испытывают глубокие внутриличностные конфликты, в связи с чем не ощущают себя в психологической безопасности. Они могут стать агрессивными настроенными националистами. Однако можно выделить и позитивную сторону воспитания в полиэтнических семьях. Ситуация межэтнического общения дает ребенку возможности для приобретения знаний об особенностях различных этносов, и межэтнические семьи могут служить каналами передачи информации между этносами. Внутрисемейная атмосфера межэтнической семьи формирует уважение и терпимость к культуре, языку, традициям других народов, воспитывая некоторые черты интернационализма. Современные условия требуют поиска новых технологий конструирования государственной системы межэтнических отношений.

Н.В. Ковалёва: С 2008 г. коллектив преподавателей кафедры психологии Адыгейского государственного университета реализует проект в рамках АВЦП Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы» по теме: «Разработка антикризисных аспектов безопасности вуза в условиях реформирования при переходе на двухуровневое образование в соответствии с требованиями Болонского процесса». Данный проект имеет два основных направления: работа с текущими стрессовыми и тревожными состоя-

ниями студентов и преподавателей и работа с проблемами, связанными с переходом вуза на двухуровневое образование.

На первом этапе проведено анкетирование и серия интерактивных занятий для выявления рисков в образовательной среде, связанных с переходом на двухуровневое образование. В результате была составлена база данных рисков и кризисных проявлений в условиях реформирования высшей школы для разных категорий субъектов образования.

1. Риски преподавателей, связанные с реформированием вуза. Наиболее распространенными среди них являются: неготовность части студентов к предлагаемой реформами качеству и количеству самостоятельной работы; непонимание перспективы будущей профессиональной деятельности при получении образования в бакалавриате или магистратуре; дополнительная нагрузка на преподавателей; неумение субъектов образования включиться в новые условия и принять новые требования; физическая и психическая перегрузка; угроза профессионального и эмоционального выгорания, деформации и др.

2. Риски студентов и аспирантов, связанные с обучением: дидактические страхи (отчисление, отсутствие взаимопонимания с преподавателями, оценки на экзаменах ниже ожидаемых), неназначение стипендии, несовершенная профессиональная подготовка, невостребованность профессии, заболевания, отсутствие профессиональной мобильности.

3. Риски, общие для всей вузовской системы: закрытие вузов; понижение статуса вуза; неумение субъектов образования включиться в новые условия и принять новые требования; неопределенность механизмов осуществления реформ и отсутствие достаточной информации о технологиях и логике перехода вуза на новую систему деятельности.

Положено начало формирования экспертной системы ранней диагностики предупреждения угрозы возникновения кризисных ситуаций в условиях реформирования вуза. Она содержит информационный раздел с данными о типах и категориях субъектов образовательного процесса. Типология определялась по сочетанию трех параметров: а) степени информированности и понимания новой системы образования (когнитивный компонент); б) эмоционального отношения к реформированию вуза (эмоциональный компонент, проявляемый в одобрении или отрицании содержания реформы); в) степени активности личного участия в нововведениях (поведенческий компонент). В этом случае в категории преподавателей определены следующие основные типы: операционалисты (активные, пассивные и оппозиционеры), тактики (активные и пассивные), стратеги (активные и пассивные). Результаты будут использованы для составления программы антикризисных мер по оптимизации перехода системы обучения АГУ на двухуровневое обучение. Она будет направлена на повышение мотивации, осознание и принятие целей и задач образования в новых условиях, выработке конкретных технологических приемов на уровне каждого преподавателя в соответствии

с его типом через организацию семинаров по обучению учебным технологиям, применяемым в рамках бакалавриата и магистратуры.

А.Ш. Гусейнов: К агентам потенциального негативизма и протеста, несущего угрозу общественной безопасности, можно отнести: религиозные секты, спортивных фанатов, делинквентных подростков. Потенциал протеста высок среди подростков и молодежи. Заряд негативизма и протеста может иногда переродиться в антиобщественные действия: в поджоги, погромы, преследование лиц неугодной веры и национальности, вандализм.

В проведённых нами эмпирических исследованиях предполагалось, что обучение в специализированных учреждениях (школах-интернатах), занятия спортом приводят к эскалации протестного поведения подростков. Для оценки влияния сложности педагогической деятельности в обычной школе и школе-интернате на протестное поведение личности исследованы педагоги и учащиеся школы-интерната и гимназии. Было выявлено, что учителя более конфликтны, агрессивны по сравнению с учащимися, а педагоги школы-интерната оценивают психологический климат как низкий и готовы к протесту. Поскольку сами педагоги находятся в хроническом стрессовом состоянии, обусловленном недостаточной оценкой обществом их профессиональной деятельности и готовы к протесту, они не могут в полной мере способствовать формированию безопасной для общества толерантной и непротестной личности.

В проведённых исследованиях был выявлен высокий уровень протестного поведения и у обычных школьников, и у спортсменов. В связи с этим сделан вывод о том, что спорт изначально конфликтен, формирует соперничество. Обычные занятия спортом, без вовлеченности подростка в общение, не канализируют агрессию, не избавляют от дезадаптации и протеста. Таким образом, проведённые исследования показывают, что спорт, который должен был бы снижать агрессию и протест, на деле повышает протестный потенциал подростков и молодежи, а учителя, призванные снижать агрессивность и протест (особенно педагоги специализированных учреждений), сами обладают высоким протестным потенциалом.

А.Н. Кимберг: Объяснение мотивов участников экстремистской активности недостаточно убедительно. Эта мотивация, по сути дела, психологами систематически не изучалась, объяснения же политических лидеров формулируются на уровне терминологии комиксов: «ось зла» и т.п. Между тем, если не понимать механизмов, побуждающих индивида совершать преступления против человечества, жертвуя при этом и собственной жизнью, то на успех борьбы с терроризмом надеяться нельзя. Сегодня вряд ли речь может идти о фрустрированных первичных потребностях: теракты не совершаются голодными людьми. Между тем некоторые результаты исследований указывают на возможную роль в разрушительном протестном поведении депривации ряда специфических потребно-

стей, в частности, потребности в субъектности и связанной с ней потребности в смысле человеческого бытия.

Стремление государств (или элит) ко всё более полным формам контроля (прямого или манипулятивного) за жизнью человека при отсутствии понимания ими диалектики развития системы «человек – группа – общество» порождает экстремизм как латентное следствие, казалось бы, позитивного развития системы. Реакция на депривацию субъектности в своих крайних формах может результативаться в стремление совершить последний и неотчуждаемый акт субъектности: уничтожить себя или уничтожить других. Русский человек в силу привычки выбирает первое (пьянство), там же, где религия запрещает алкоголь, больше вероятность второго. Назрела необходимость исследования проблемы терроризма в методологии субъектно-бытийного подхода.

А.Н. Дёмин: По-видимому, следует говорить о синергии, т.е. наложении, совпадении, взаимовлиянии прямых и непрямых угроз человеку в различных сферах и на разных уровнях. Отсюда вытекают, по крайней мере, два следствия: а) важно искать их общие основания, точнее, комплекс оснований, а это требует междисциплинарной компетентности психолога; б) поиск общих оснований предполагает детальное, содержательное рассмотрение конкретных сфер жизни под углом зрения наличных или складывающихся угроз.

Поскольку я занимаюсь экономической психологией, а именно процессами занятости, далее перейду к конкретным соображениям в этой области. История психологических исследований рынка труда, насчитывающая уже сто лет, позволяет выделить несколько ключевых феноменов, имеющих отношение к нашей теме. Прежде всего, это безработица (вынужденная потеря оплаченной трудовой занятости), которая, как неоднократно показано, может повлечь за собой нарушения психологического и физического здоровья, нанести вред межличностным отношениям и социальному статусу человека и членам его семьи, обесмысливает их жизнь, коррелирует с уровнем смертности, бездомности, конфликтности, агрессивности, социальной напряжённости в обществе. Не случайно политики боятся безработицы как огня: при 7-процентной безработице рынок труда считается напряжённым, при 10-процентной безработице – критическим, свыше 10-процентной – социально опасным. Безусловно, такой барометр – важный инструмент оценки политической и экономической ситуации и основа для принятия государственных решений.

Безработица изучается давно и многое о ней известно. Я коснусь тех явлений, которые активно проявляются в последние 30 лет, дополняют безработицу, поддаются психологической интерпретации и, возможно, будут наблюдаться ещё не один год (данные явления изучаются в рамках гранта РГНФ № 07-06-00249а). Речь идёт о принципиально ином, более высоком уровне неопределённости для человека его текущей и будущей занятости. Например, человек работает, но боится потерять работу или боится изменения других её значимых параметров –

объёмов, оплаты, режима или интенсивности труда, смены должностной позиции из-за реструктуризации предприятия, его продажи новому собственнику, внедрения новых принципов управления и т.д. Или человек часто меняет место работы, профессию из-за тех же причин, что отнюдь не способствует стабильности и определённости его занятости и жизни в целом. Сначала всё это осмысливалось в терминах профессионального стресса, затем стало ясно, что проблема требует более широких и ёмких обозначений, и появилось понятие ненадёжной работы, или небезопасной работы (*insecurity job*). Феномен ненадёжной работы стал массовым, в том числе и в России.

Об экономических, политических и прочих причинах растущей неопределённости я говорить не буду. Но хочу обратить внимание вот на что. За последние десятилетия доля «живого» (т.е. непосредственно реализуемого) профессионального труда в бюджете времени западного человека неуклонно сокращается за счёт его вытеснения овеществленным трудом – современными технологиями, новыми принципами менеджмента (готовность к реструктуризации предприятий, перевод производств в другие, более выгодные географические точки, гибкость в распределении должностных обязанностей и др.), потреблением. Подобное вытеснение компенсируется политикой стимулирования частичной занятости, социальными программами, не допускающими нищеты и отверженности, досугово-потребительской организацией жизни и подпитывается идеологией постмодерна, постиндустриализма. В России обозначенные процессы имеют специфику: до последнего времени они протекали значительно быстрее, были сжаты во времени, и «живой» труд у нас вытеснялся не новыми технологиями, а потерей старых технологий (деиндустриализацией) с одновременным внедрением новых форм менеджмента и усилением потребительских установок.

Чтобы понять, к чему ведёт сокращение доли «живого» труда в бюджете времени, вспомним идею З. Фрейда о труде как одной из самых сильных связей личности с реальностью, не позволяющей ей оказаться полностью захваченной фантазиями и эмоциями. Если доля «живого» труда сокращается, то экономика виртуализируется (в ситуации нынешнего кризиса редкий эксперт не сказал об этом как об одной из его основных причин), а в индивидуальном сознании разрастается фантомная прослойка – фантазии и тревоги, которым не за что зацепиться в реальности и которые ищут объективации.

Для психологического анализа проблем безопасности ненадёжная работа и безработица важны тем, что, с одной стороны, они являются эффектами сокращения доли «живого» труда в жизни общества, с другой стороны, выступают социально-экономическими субстратами (питательной средой) разрастающейся фантомной прослойки в сознании, прежде всего той её части, которая связана с тревогами и страхами. Может ли разрастание такой прослойки привести к социальным конфликтам?

При определённых условиях может и приводит к достаточно масштабным конфликтам. Вспомним студенческие волнения во Франции в 2006 г., спровоцированные проектом закона о молодых специалистах, в частности, правом работодателей увольнять этих самых молодых специалистов без предупреждения, – вот проект ненадёжной работы. В ответ на него тревоги и возмущение студентов сконденсировались в агрессивное протестное поведение.

Остановлюсь на российских реалиях. Как известно, шоковые реформы 1990-х гг. не привели к массовой безработице, но взамен появился российский вариант ненадёжной работы – многомесячные задержки зарплаты, их пик пришёлся на 1998 г. Психологический эффект – очень негативный. Люди, которые работали, но не получали зарплату, имели показатели самоэффективности значительно ниже нормы, характеризовались, по сравнению с безработными, большей растерянностью и пассивностью. Во второй половине 2000-х гг. ситуация на российском рынке труда повторилась – опять массовые невыплаты зарплаты, правда, уже совсем безмолвные: ни забастовок, ни голодовок, ни судебных исков против работодателей. Страхи и переживание несправедливости не имели социального выражения, поскольку в предыдущий период произошла своеобразная прививка чувства безысходности. Социологи фиксировали парадоксальный факт: на фоне улучшения социально-экономического положения в стране, от 70 до 80 % россиян в 2007–2008 гг. не раз испытали чувство собственной беспомощности, невозможности повлиять на происходящее, страха перед будущим из-за ситуации на работе. В конце 2008–2009 гг. на такое состояние сознания стало наплывать ожидание массовой безработицы и опыт реальной безработицы, поэтому появилась протестная активность. Сейчас в сознании большей части населения негативная фантомная прослойка уже оформилась и утвердилась, она не уменьшается, а только ширится, и социальные эффекты от её существования могут быть весьма разнообразными и негативными для власти, экономики, общества, особенно в тех регионах, население которых уже было унижено в 1990-е гг.

А.А. Лузаков: Психологическая безопасность может быть проанализирована в рамках психоэкологического подхода. Психоэкология сосредоточивает свое внимание на факторах психического здоровья, личностного развития и угрозах психике, не связанных очевидным образом с угрозами физическому здоровью и существованию. Значимость этих проблем в общественном сознании пока отступает на второй план по сравнению, например, с проблемами терроризма, агрессивного поведения. Каждый знает, что опасно употреблять некачественную пищу или быть там, где стреляют. Но не все осознают разрушительность длительного вовлечения в атмосферу лжи, эгоцентризма, принуждения, утраты высших ценностей и т.п. (конечно, индивидуальные различия в сензитивности к этим факторам весьма значительны и их надо изучать). Психоэкология, как она понимается нами, – это выявление, классификация, диагностика и профилактика рисков, связанных с теми аспектами среды обитания, которые специфичны

для современного человека – информационными потоками, психологическими перегрузками и травмами, отношениями в группах, смысловым вакуумом, отчуждением и т.п. Эти проблемы, не новые сами по себе, при психоэкологическом подходе должны рассматриваться в новом контексте.

В психологии личности связи личности с социальной средой чаще всего остаются на уровне деклараций. Социальная психология пытается заполнить этот разрыв, но социальные отношения, малые и большие группы сами оказываются выхваченными из систем более высокого уровня. До сих пор не оценен психологический потенциал современных экологических идей в биологии (наиболее одиозные конструкции так называемой психобиологии не в счет). Например, представления об экосистемах, о том, что определенные виды живых существ (а может, и психологические типы, которые Э. Шпрангер в свое время назвал «формами жизни») распределены в пространстве и во времени неслучайным образом, образуют взаимозависимые сообщества, связанные в свою очередь с неживыми компонентами среды.

Сегодняшняя психология экологически беспомощна, потому что слишком антропоцентрична. По жесткому, но точному замечанию Джеймса Хиллмана, психология, центрирующаяся на человеке, вырывает человеческую душу из её лона в душе мира (*anima mundi*) и превращает нашу планету «в труп, пригодный для измерения, экспериментального расчленения и каннибалистического поедания частей ее тела».

Из потенциально широкого проблемного поля психоэкологии чаще всего объектом внимания становятся проблемы, связанные с контролем сознания (деструктивные культы, воздействие через СМИ, психотропное оружие и т.п.). Вне поля зрения остаются психоэкологические угрозы нецеленаправленного характера, спонтанно возникающие в ходе взаимодействия людей между собой и с другими объектами природы. Например, это возможное деструктивное влияние на личность организационной среды, ближайшего окружения, которое часто субъективно воспринимается как «психологический вампиризм», «несовместимость»; или утрата персонифицированной, энергетически ресурсной взаимосвязи с тем или иным миром вещей и мест (топосом).

Б.А. Ясько: Нарушения психологической безопасности профессионала как субъекта труда часто наблюдаются во врачебной деятельности. Наиболее сложным и в то же время ключевым моментом для развития исследований в этой области является разработка операционализируемых критериев изменения психики в результате нарушения психологической безопасности. Эти критерии и процедуры выявления соответствующих им психических проявлений, могут лечь в основу определения нарушений психологической безопасности и характеризовать как дезадаптирующие особенности воздействующих факторов, так и объективные показатели, характеризующие резистентность субъекта к неблагоприятным для него воздействиям.

Одним из таких критериев при исследовании психологической безопасности субъекта труда служит критерий *устойчивости нейродинамической основы* как первичной, индивидуальной характеристики человека (Б.Г. Ананьев) по отношению к нормативным и сверхнормативным воздействиям профессиональной деятельности («трудового поста», в определении Е.А. Климова). По данным наших исследований труд врача-клинициста может быть отнесен к категории деятельности в особых условиях, к видам труда с высокой вредностью. Экспертиза, которую было предложено провести 60 врачам-клиницистам, показала, что 13 из 22 оцениваемых показателей относятся к категории высоконапряженных. Среди них: «эвристическая творческая деятельность, требующая решения алгоритма, единоличное руководство в сложных ситуациях»; «работа в условиях дефицита времени и информации с повышенной ответственностью за конечный результат»; «высокая степень ответственности за безопасность других лиц»; «фактическая продолжительность рабочего дня более 12 часов»; «отсутствие перерывов»; «нерегулярная сменность с работой в ночное время» и др.

Психологический анализ профессиональной врачебной деятельности позволил выделить в ней виды действий, операции и манипуляции, успешность исполнения которых обуславливается хорошо развитыми способностями, детерминированными различными свойствами нервной системы. Оказалось, что, совершая сложные виды деятельности, врач одновременно должен обладать (активизировать) свойства противоположных типов нервной системы, что особенно разрушительно для психической безопасности субъекта. В то же время популяционные исследования показали, что для врача характерно преобладание слабого, подвижного, лабильного типа нервной системы.

Например, в совокупность профессиональных действий и манипуляций врача при неотложных состояниях входят: визуальный осмотр пациента (1); неперемutable соблюдение последовательности алгоритма диагностических действий (2); постановка предварительного диагноза (3); определение тактики ведения больного (4) и т.д. Назначение первого – формирование клинического образа состояния, обуславливает актуализацию образной памяти и образного мышления, т.е. психологических свойств слабого (по возбуждению) типа нервной системы, а постановка предварительного диагноза (3) требует развитого формально-логического мышления, качества, относимого психофизиологами к свойствам сильного типа нервной системы.

Приведенные примеры иллюстрируют сложность и многогранность проблемы критериев изменения психики в сложных профессиональных условиях. Но вместе с тем выделение даже одного критерия может быть основанием для организации целенаправленной, конструктивной, а главное, *безопасной* работы психолога-консультанта.

Е.В. Улько: Обсуждая проблемы психологии безопасности личности в связи с критическими, а в ряде случаев с трагическими событиями, стоит обратить

внимание и на менее обостренные, но не менее значимые жизненные переживания человека. Они являются некоторым существенным фоном, во многом влияющим, а в некоторых случаях определяющим его действия в сложные моменты. То, как поведет себя человек, оказавшись перед реальной угрозой его жизни либо став объектом вовлечения в экстремистскую группу, во многом зависит от базового переживания личностью состояния безопасности или незащищенности. Буду опираться на результаты наших исследований проблемы интерпретации личностью ситуаций, относящихся к так называемому разряду «обыденных правовых» (предложение участвовать в суде присяжных, решение ряда житейских проблем в правовом поле и т.п.). С уверенностью можно утверждать, что параметр «опасный – безопасный» является первичным и системообразующим при осмыслении человеком любой конкретной ситуации, в которую он включен. Причем, если ситуация оценивается ближе к полюсу «опасная», то организующая сила данного параметра возрастает. Выявляются четкие связи не только с другими критериями оценивания ситуации и своего состояния, но и с готовностью к определенному стереотипному поведению (хотя способ реагирования у различных людей варьирует). Отмечена тенденция считать себя не способным справиться с обстоятельствами, влиять на них и в какой-либо мере контролировать. Мы зафиксировали склонность наших испытуемых трактовать обыденные правовые ситуации как опасные, даже если суть угрозы ими самими четко не формулируется. Иными словами, если определять субъектность личности как его способность к сознательному, активному, преобразующему и ответственному поведению, то в случае определения человеком ситуации как опасной она (субъектность) резко снижается.

Можно предположить, что переживание человеком своей уязвимости и незащищенности в череде конкретных жизненных ситуаций будет формировать некоторый кумулятивный эффект, который в ряде критических обстоятельств имеет шанс стать определяющим в его поведении. Этот аспект психологии безопасности личности требует своего изучения как с точки зрения теоретического осмысления, так и в практической плоскости с учетом специфики нашей современной социальной реальности.

С.Д. Некрасов: Рассмотрим «модель безопасного будущего» у выпускников школы. Можно ответить, что в качестве таковой выступает дальнейшая учёба – от 65–70 % в конце 1980-х гг., до 75–80 % в середине 1990-х гг. и 95–97 % в настоящее время. Их них обучение в вузе видели в 1995 г. 63 %, в 2000 г. – 81, в 2005 г. – 91 % выпускников.

Вопрос: каковы параметры модели будущего у выпускника школы в период до 2009 г.? Исследования показали, что большинство выпускников школы являются субъектами учебной, а не будущей профессиональной деятельности. Весомыми параметрами модели будущего выпускника школы видит «учебу» и «социальные влияния», тогда как параметр «будущая профессия» имеет малый

вес. Направленность выбора определяют «обретенная учебная компетентность» и «престижность специальности».

Ещё один вопрос: каковы факторы выбора будущего у выпускника школы в период до 2009 г.? Личностными факторами для выбора выступают обретенная учебная компетентность (важные учебные предметы; способности учиться; когнитивные способности); социальные влияния на выбор (мнение родителей и сверстников; информация о рынке труда; связь с работодателями; информация СМИ); направленность выбора и проблемы (обретенная учебная компетентность; престижность специальности).

Наконец, вопрос: каковы основные препятствия для «безопасного будущего» у выпускника школы 2009 г. и их последствия? Прежде всего это обретенная учебная компетентность как личностный фактор для выбора (важные учебные предметы для выбора ЕГЭ; выбор числа ЕГЭ для известного списка предметов и специальностей), социальные влияния на выбор (мнение родителей об экзаменах по направлению; возможность оплаты репетиторов для подготовки ЕГЭ; неопределенность до июля положительной оценки по ЕГЭ), направленность выбора и проблемы («компетентность в ЕГЭ»; «список вступительных требований»). Таким образом, ЕГЭ можно рассматривать как условие изменения «модели безопасного будущего», а стандартизацию вступительных требований как изменение направленности и источник трудностей выпускника школы. Кроме того, отсутствие мест на рынке труда для выпускника школы 2009 г. создает большие трудности для занятости тех выпускников, которые не смогут преодолеть барьер поступления в вуз.

Л.Н. Ожигова: Большие социально-экономические инвестиции, связанные с проведением в Сочи зимней Олимпиады 2014 г., и строительный бум в одной из самых комфортных рекреационных зон страны создали огромные перспективы для социально-экономического развития Краснодарского края и в первую очередь развития гостиничного и ресторанного бизнеса. Однако интенсивность роста должна соответствовать разумному планированию и прогнозированию дальнейших рисков, который не всегда осуществляется как самими инвесторами, так и управляющими холдингов и компаний. Мало здание построить, его нужно «одушевить», заполнить к приему гостей, вообще уметь «пригласить» гостя и, самое главное, получить из этого выгоду. Поэтому проблема психологической безопасности личности имеет важное значение для Краснодарского края как курортного и полиэтничного региона. Причем к ощущению психологической безопасности стремятся как отдыхающие, так и персонал, обеспечивающий отдых гостей края.

В нашем исследовании, посвященном изучению особенностей смысловых механизмов профессиональной и гендерной реализации персонала, выявлены некоторые особенности мотивации личности, свидетельствующие о том, что обслуживающий персонал гостиниц и ресторанов (официанты, горничные и др.) в

основном ориентированы на служение другим, т. е. терпимы к людям и готовы поддерживать их интересы и потребности. А значит, своим поведением они готовы создать ощущение безопасности и комфорта гостям. Однако сами могут испытывать тревожные чувства в случае смены места жительства или работы, болезненно реагировать на имеющуюся в экономике региона специфику – сезонность трудовой занятости, так как с увеличением возраста и стажа пребывания в должности горничной, официанта и т.д. увеличивается потребность личности в стабильной работе, не связанной с переменой места жительства. А сотрудников со стажем 1–3 года отличает большая географическая мобильность.

Выявленные особенности мотивации сотрудников, занятых в сфере гостиничного и ресторанного бизнеса, необходимо учитывать в практической психологической работе или в работе менеджера по персоналу, так как в зависимости от стажа и должности механизмы мотивации личности будут различны. Например, если более молодую сотрудницу или сотрудника будут мотивировать хорошие отношения в коллективе и возможность расширения кругозора, а переезд, связанный с повышением в должности ее не будет пугать, то более опытную сотрудницу будет скорее интересовать оплата и стабильность.

Наше исследование показывает, что требуют уточнения особенности мотивации горничных в зависимости от возраста, профессиональных планов и других внутренних и внешних факторов, способствующих или затрудняющих профессиональную реализацию личности в данной, к сожалению, непрестижной профессии. Изучение этих факторов позволит перейти к решению важной проблемы управления персоналом – формированию лояльности сотрудника, которая возможна только при наличии субъективного ощущения психологической безопасности личности

С.Ю. Флоровский: Говоря о проблеме психологической безопасности личности руководителя, остановимся не на очевидных угрозах социального плана (например, риск стать жертвой деятельности рейдерских структур), а на опасностях собственно социально-психологического порядка – внешне достаточно «тихих», «фоновых», в буквальном смысле «спрятанных» в событийном контексте повседневного взаимодействия руководителя с другими членами управленческого сообщества организации.

Нормативно основной целью управленческого взаимодействия руководителей (как центрального психологического процесса и ситуативно-обусловленной формы реализации совместной управленческой деятельности) признается обеспечение согласованности и упорядоченности в протекании организационных процессов, противодействие социально-организационной энтропии, обеспечение оптимального баланса тенденций стабильного функционирования и динамичного развития предприятия. Условием достижения этих целей большинство авторов полагают перманентный поиск консенсуса, предусматривающий адаптивное самоограничение каждым из руководителей уровня своих власт-

ных притязаний и лидерских амбиций, готовность разделять власть со своими партнерами по управленческой команде на основе принципов «распределенной справедливости».

В то же время повседневная организационная реальность мало напоминает обрисованную нормативную модель. Напротив, характерными для повседневных деловых контактов руководителей высшего и среднего ранга оказываются непрозрачность и закрытость по отношению друг к другу, конкуренция и соперничество, преобладание установки на максимизацию объема прав и властных полномочий в сочетании со стремлением минимизировать свои социальные обязательства и подконтрольность кому бы то ни было. При этом актуализируется вопрос о «психологической цене», которую приходится платить руководителям за достижение лично и прагматически приемлемых отношений с партнерами по повседневным интеракциям в менеджерском сообществе, имеющем нередко примитивную или деформированную (манипулятивную, криминализованную, корыстную и т.д.) управленческую культуру. В проведенных нами исследованиях был выявлен ряд феноменов и закономерностей негативной трансформации механизмов личностной регуляции поведения руководителей в совместной управленческой деятельности, осуществляемой в условиях различного организационно-культурного контекста.

Г.Ю. Фоменко: Уважаемые коллеги! Подводя итоги нашей сегодняшней работы, отмечу, что общая дискуссия продемонстрировала актуальность проблемы психологической безопасности применительно к разнообразным сферам и аспектам бытия личности. При этом, несмотря на разноплановость обсуждаемых тем, удалось избежать впечатления теоретического разнобоя, чему способствовала преимущественная ориентация всех выступавших на методологию субъектно-бытийного подхода. На наш взгляд, эвристичность последнего может быть продемонстрирована в случае освоения и разработки конкретных тем как по направлению противодействия терроризму и проблемам его социальных и психологических последствий, так и по всему спектру вопросов предметного поля психологии безопасности.